

ЛИЛИЯ РОМАНОВА

СОСЕД.
ВЛЮБЛЯТЬСЯ
НЕ ДОГОВАРИВАЛИСЬ

Лилия Романова

**Сосед. Влюбляться
не договаривались**

«Автор»

2026

Романова Л.

Сосед. Влюбляться не договаривались / Л. Романова — «Автор», 2026

Пообещать маме, что приеду на семейную дачу с мужчиной, оказалось легко. Найти мужчину — сложнее. Хорошо, что за соседней дверью живет Костя: высокий, смешливый и тоже уставший от заботливого сватовства. Мы договорились всего о двух выходах в роли пары. Никаких свадебных обещаний, поцелуев для доказательства и продолжения после семейных вопросов. Только почему он теперь выходит за хлебом одновременно со мной? И почему я так огорчаюсь, когда наша убедительная маленькая ложь заканчивается? Рассказать родным правду мы сумели. А вот пойти на настоящее свидание оказалось куда страшнее. Особенно если тебе тридцать семь, ты привыкла отшучиваться вместо признаний, а любимый мужчина умеет быть нужным всем — и постоянно забывает оставить время для собственного счастья.

© Романова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мужчина к обеду	5
Глава 2. Это не предложение руки	9
Глава 3. Два выхода без продолжения	13
Глава 4. Почти семейный человек	17
Глава 5. Ужин с переменной облачностью	21
Глава 6. Кто кому достался	25
Глава 7. За хлебом случайно	29
Глава 8. Без подходящего предлога	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лилия Романова

Сосед. Влюбляться не договаривались

Глава 1. Мужчина к обеду

— Только не надо сразу так дышать, — сказала мама. — Я еще ничего не предложила.

Я стояла у открытой двери своей квартиры с пакетом картонных коробок в руке. Одна коробка, от чайника, упорно цеплялась за остальные, словно за два дня возле шкафа успела обзавестись семьей. На экране телефона было шестнадцатое мая. До обещанного мамой дачного обеда оставалась неделя, а до моего следующего глубокого вздоха — примерно секунда.

— Мам, я просто живу. Для этого приходится дышать.

— Прекрасно. Вот и приезжай двадцать третьего. Катя с Антоном будут, мы шашлыки сделаем. Отец уже купил угли.

— Если отец купил угли, мероприятие действительно серьезное.

— И Виктор Павлович, возможно, заедет. Помнишь, я рассказывала? У него сын...

Я закрыла глаза. Сына я не помнила, зато отлично помнила слово «возможно». Оно в маминой речи означало, что гость уже выбрал рубашку и, вероятно, почистил автомобиль. Два месяца назад другой возможный гость приехал к родителям с коробкой пирожных и весь вечер объяснял мне, почему иностранные фильмы надо смотреть без субтитров. Когда я сказала, что именно субтитрами зарабатываю, он весело ответил: «Ну, это пока».

— У всех у них кто-нибудь есть, — сказала я. — Сын, племянник, сосед по гаражу. Нельзя ли один раз просто шашлыки?

— Ника, я разве тебя заставляю? Люди познакомятся, поговорят. Он очень порядочный.

На площадке за моей спиной зашуршал картон. Я обернулась и увидела угол длинной коробки, который медленно выдвигался из лифта. За углом появилась мужская ладонь, затем плечо в серой футболке, а потом мой сосед из сорок восьмой, целиком занятый геометрической задачей. Двери лифта норовили сомкнуться вокруг покупки.

— Я приеду не одна, — сказала я.

Коробка замерла. Сосед поднял голову.

Мама тоже замолчала, и ее молчание оказалось выразительнее любых восклицаний. Я могла еще выправить разговор. Сказать, например, что привезу Асю. Ася любила шашлыки и могла без подготовки сыграть целый отдел по работе с мамиными надеждами. Но мать спросила совсем тихо:

— С мужчиной?

— С мужчиной, мам.

Тишина в трубке сразу стала праздничной.

— Так что ты молчала? Как его зовут?

Сосед смотрел на меня поверх коробки. У него были заметная седина у висков и очень спокойное лицо человека, который не отвечает за чужие скоропалительные обещания. Я нахмурилась. Он вежливо отвел глаза.

— Я потом расскажу. Мне сейчас неудобно.

— Да, конечно. Я понимаю. Ты не волнуйся, мы ничего особенного устраивать не будем.

После этих слов я заволновалась по-настоящему.

— Обычный обед, — добавила мама. — Папа, я, Катя, Антон. А Виктору Павловичу я сама позвоню. Ты ничего не должна объяснять. Целую!

Она отключилась прежде, чем я успела спросить, почему объяснения внезапно стали нужны Виктору Павловичу. В дверях лифта пискнул сигнал. Сосед попытался одновременно

придержать створку локтем и развернуть коробку. Я сунула телефон в карман домашних брюк и шагнула к нему.

— Давайте я подержу.

— Спасибо. Только эту сторону.

Я схватила ту, которая была ближе. Коробка, в отличие от нашей едва начавшейся дружбы, сразу пошла наперекосяк.

— Другую эту сторону, — уточнил он.

— Их у вас слишком много.

— Я заметил еще в магазине.

Пакет с моим картоном свалился на пол. Коробка от чайника наконец обрела свободу и скользнула к соседской двери. Я поставила ногу в проем лифта, взялась как следует, и вдвоем мы извлекли покупку на площадку. Она оказалась выше меня и была украшена фотографией тонкой напольной лампы.

На картинке лампа стояла возле кресла, в котором сидеть, судя по размерам, мог только очень уверенный ребенок. Коробка обещала изящное освещение и легкость сборки. Первое обещание еще можно было проверить. Второе уже выглядело оскорбительно.

— Она точно не с креслом? — спросила я.

Сосед посмотрел на фотографию.

— Если с креслом, вы его видели первой. Забирайте.

Мы поставили коробку перед сорок восьмой. Она качнулась, он придержал ее обеими руками, а я зачем-то тоже положила ладони на картон. Между нашими пальцами осталось сантиметров пять. Ногти у него были коротко острижены, на костяшке светлела царапина. Я рассмотрела его руки так внимательно, словно на упаковке предлагались дополнительные условия, набранные мелким шрифтом.

— Теперь держится, — сказал он.

Я убрала руки.

— Очень рада. В нашем доме устойчивость особенно ценится.

Он наклонился, подобрал мои коробки, одну вложил в другую. Чайниковую подобрал возле двери без всякого торжества. Обычно я терпеть не могла, когда незнакомые мужчины начинали молча приводить в порядок мои неудачи, но сейчас он просто собрал то, что мы уронили вдвоем.

— Вам вниз? — спросил сосед, возвращая пакет.

— Да. Провожу картон во взрослую жизнь.

— Тогда не буду задерживать.

Я нажала кнопку лифта и вдруг поняла, что за два месяца знаю о человеке ровно две вещи: он здоровается негромко и умеет не смеяться там, где другой непременно отпустил бы шуточку. Например, про мужчину, которого я только что пообещала матери.

— Ника, — сказала я, протягивая свободную руку. — Сорок седьмая. Хотя последнюю часть вы, наверное, уже вычислили.

Он пожал руку. Ладонь была теплая, пожатие короткое.

— Костя. Сосед.

— Это я тоже вычислила.

— Значит, познакомились успешно.

Лифт открылся. Я вошла с картоном, а он придержал дверь одним пальцем, пока я устраивала пакет.

— Ника, у вас коробка...

— Опять?

— Нет. Ручка за пояс зацепилась.

Я посмотрела вниз. Пакет и вправду пытался уехать на мне. Пока я распутывала петлю, Костя терпеливо держал створку. Потом сказал: «Все» — и убрал руку.

В зеркале лифта я увидела женщину тридцати семи лет, которая умудрилась объявить о романе, запутаться в мусоре и познакомиться с женщиной именно в таком порядке. Волосы до плеч были прихвачены резинкой кое-как, одна прядь торчала возле уха. Серые глаза смотрели с тем бодрым ужасом, который я обычно выдавала за хорошее настроение.

— Прекрасно, Вероника, — сказала я отражению. — Очень последовательное начало.

До вечера я честно пыталась работать. На экране мужчина в нелепом плаще уверял женщину, что все произошло случайно. В оригинале его фраза занимала шесть секунд. По-русски получалось десять, потому что оправдываться коротко он не умел. Я сокращала, переставляла слова, слушала сцену заново и ловила себя на неприятном уважении к его затруднению.

В половине седьмого пришло сообщение от Кати: «Мать велела не расспрашивать тебя. Выполняю. Пришли хотя бы рост». Я ответила: «Достаточный для участия в обеде», отложила телефон и открыла окно. Во дворе кто-то учил взрослую собаку подавать лапу, а она с таким достоинством отворачивалась, будто ее уговаривали подписать невыгодное соглашение. За стеной негромко стукнуло. Еще раз. Наверное, сосед собирал свое изящное освещение.

Мне надо было позвонить матери и сказать правду. Не про Костю, о котором она не знала, а про мужчину, которого не существовало. Простая фраза: «Мам, я сорвалась и наговорила лишнего». За ней последовали бы еще несколько простых фраз, а затем мама спросила бы, почему с ней нельзя просто поговорить. Вопрос был справедливый. Ответ на него меня не украшал.

Я набрала номер.

— Никочка, — отозвалась мама. — Только минутку. Виталий, поставь назад, это к гостям! Да, слушаю.

— Мам, про двадцать третье...

— Я как раз хотела спросить: он помидоры ест? У меня Катя теперь говорит, что Антон какие-то не ест, но я забыла, какие. А может, это не помидоры. Сейчас все чего-нибудь не едят.

— Откуда мне знать про его помидоры?

— Ну, может, вы вместе ужинали.

Она произнесла это осторожно, без нажима, и я вдруг услышала не привычное «когда уже», а обыкновенную радость. Мама была рада, что кто-то ужинал со мной. Не потому, что сама я не справлялась с вилок, не потому, что развод требовал немедленной замены мужа. Ей хотелось представлять меня за столом не одну.

— Мама, ничего особенного готовить не надо.

— Так я и не буду. Обыкновенный салат, мясо, пирог. Может быть, два. Ты только приезжай.

— Приеду.

— Я очень рада, — сказала она. — Ладно, работай. Не буду мешать.

После разговора я минуту сидела, глядя на закрытое окно программы. Потом все-таки позвонила Асе.

Я рассказала ей все, включая лампу. Ася громко рассмеялась. На заднем плане звякнула посуда.

— Ника, позвони матери еще раз. Пока она не заказала скатерть с инициалами.

— Она не станет.

— Правильно, сама вышьет.

Я засмеялась, хотя мне хотелось получить блестящее решение, не требующее моего участия. Мы поговорили еще немного, и, положив телефон, я снова посмотрела на входную дверь. Если бы Костя начал на площадке шутить про мое обещание, я бы никогда не подумала о нем. Его молчание почему-то показалось мне приглашением к доверию. Очень сомнительное

основание для того, чтобы через несколько часов попросить человека изобразить твою личную жизнь.

Я переоделась в джинсы, потом разозлилась на себя и снова натянула домашние брюки: соблазнять соседа мне не требовалось. Причесалась. Это уже не отменила.

На площадке было тихо. Под дверью сорок восьмой лежала ровная полоска света. Я подняла руку и успела подумать, что все это можно остановить прямо сейчас. Завтра сказать матери правду. Двадцать третьего приехать одной, есть мясо, терпеть заботу, любить своих людей, даже когда они невыносимы.

Потом я постучала.

Костя открыл почти сразу. Без коробки он оказался чуть выше, чем я успела оценить днем. За его плечом горела собранная лампа. Абажур стоял слегка криво.

— У вас получилось, — сказала я.

Он обернулся.

— Пока держится. Вы за креслом?

— Нет. У меня предложение. Очень странное.

Он открыл дверь шире, но я осталась на площадке.

— Я сегодня соврала маме, что приду на дачу с мужчиной. Вы слышали. Мне не хочется очередного знакомства, которое устроят без меня. Я понимаю, что это не ваша забота. Но не могли бы вы пойти со мной и сделать вид, что мы недавно начали встречаться?

Слова прозвучали целиком. Потолок не обвалился, лифт не поехал вниз от стыда за меня. Только Костя посмотрел внимательнее.

— Мы сегодня познакомились, — сказал он.

— Да. Поэтому прошу не изображать большую любовь. Небольшая симпатия на один обед. Если откажетесь, я пойму. И, скорее всего, даже продолжу здороваться.

Уголок его рта дрогнул, но он не засмеялся.

— Вы хотите ответ прямо сейчас?

— Нет, — поспешила я. — Завтра. Подумайте до завтра. Мне самой, наверное, тоже стоит.

— Стоит, — согласился он. — Доброй ночи, Ника.

Я вернулась к себе и прислонилась спиной к двери. На площадке ничего не изменилось: две квартиры, шесть шагов между дверями. Только теперь на этих шести шагах помещалась моя самая нелепая надежда за последнее время.

Глава 2. Это не предложение руки

Утром я развернул абажур ровно, отступил на два шага и убедился, что теперь криво стояло основание. Лампа умела занимать человека. Сначала я подумал, что все дело в полу, потом посмотрел на инструкцию и перестал обижать квартиру.

Ника попросила ответить сегодня. Семнадцатого мая, в мой выходной, мне предлагалось принять решение о чужой даче. Обычно выходной выглядел проще: купить продукты, увидеться с Полиной, сделать то, до чего не дошли руки на неделе. Иногда я собирался просто сесть и ничего не делать. До этого руки почему-то не доходили никогда.

Я собрал с пола пенопласт, вымыл чашку и пошел отказывать соседке. Мы едва знали друг друга, а она предлагала сразу целую семью.

Открыла она в синей рубашке с закатанными рукавами. Волосы были распущены. Ника посмотрела на меня и взялась за дверную ручку обеими руками.

— Доброе утро. Вы уже все обдумали?

— Да. Мне жаль, но я не пойду.

Она кивнула слишком быстро.

— Нормальный ответ. Прямо подозрительно нормальный для этой затеи.

— Я не умею так. Приду, меня спросят что-нибудь простое, а я скажу правду. Лучше не начинать.

— Понимаю. Спасибо, что зашли сказать.

Я мог уйти. Собственно, ради этого и пришел: сказать и уйти. Но из квартиры донесся настойчивый треск, и Ника резко обернулась.

— Только не сейчас!

Она скрылась в кухне. Через секунду я услышал звон тарелки и ее голос:

— Все в порядке. Это тост. Очень самостоятельный.

Я остался у порога, потому что уходить посреди такого сообщения было странно. Ника вернулась с тарелкой, на которой лежали два ломтика хлеба: один аккуратно подрумяненный, второй с отчетливой черной рамкой.

— Если вы еще и завтракаете, могу предложить выбор степени разочарования, — сказала она. — Заходите. У меня есть другие продукты.

— Это не изменит ответ.

— Костя, я не подкупаю вас горелым хлебом. Даже у меня должна быть гордость.

Я вошел, снял кроссовки и оставил их ровно у стены. Она это заметила.

— Отлично. Мама бы вас одобрила.

— Вы обещали.

— Я молчу. Чай или кофе?

Кухня у нее была светлая, без попыток казаться кухней из журнала. На подоконнике стояла чашка с карандашами, у окна лежала книга, заложенная кассовым чеком. На холодильнике магнит удерживал листок «Не забыть купить то, за чем пошла». Ника взяла обгоревший тост и начала соскребать с него черное ножом. Лицо у нее было сосредоточенное и невеселое.

— Вы расстроились? — спросил я.

— Из-за вас? Нет. Из-за себя немного. Я вчера очень храбро спустилась с картоном и совершенно глупо вернулась.

— Можно ведь сказать, что мужчина не смог.

— Тогда мама перенесет обед. Если мужчина передумал, она захочет узнать почему. Если мы поссорились, захочет помирить. Проще сказать, что его не было.

— Так скажите.

Ника подняла глаза.

— А вы всегда говорите то, что проще?

Я посмотрел на ее листок на холодильнике. Потом на свою чашку.

— Не всегда.

— Вот и я. Будем считать, что наши недостатки познакомились раньше нас.

Она рассмеялась первой. Я тоже не удержался. Ника отложила нож, выбросила испорченный хлеб и взяла целый ломтик. Без извинений перед завтраком, без попыток все-таки довести его до пригодного вида. Мне это понравилось.

Мы заговорили о доме. Она объяснила, что лифт шумит на третьем этаже, потому что там громко разговаривает почти любой вошедший. Я рассказал, что в первые дни пытался открыть дверь на пятом: вышел следом за чужим человеком, не посмотрел номер, а потом минуты две удивлялся ключу.

— Вы давно здесь? — спросил я.

— Девятый год. Квартира моя. Все привычное, вплоть до звука, с которым сосед сверху роняет свой жизненный опыт. А вы ведь недавно?

— Два месяца. Снял надолго. Прежняя была велика для одного, продал.

— И сразу купили большую лампу, чтобы заполнить пустоту?

— Хотел читать в кресле. Кресло есть, вы вчера зря не забрали.

Она улыбнулась, и я поймал себя на том, что жду: скажет еще что-нибудь или просто посмотрит так же. У нее были очень подвижные руки. Она разговаривала и пальцами поправляла край рукава, подвигала ко мне сыр, возвращала чашку на ровный круг старого пятнышка. В какой-то момент я начал замечать не слова, а то, как она поднимает бровь перед шуткой. Пришлось напомнить себе, что я уже отказал.

— Мне пора, — сказал я. — Дочь зайдет.

— Конечно. Спасибо за честность.

Ника проводила меня до двери. Уже обуваясь, я услышал:

— И за компанию тоже. Завтрак оказался не совсем пропащий.

Она сказала это без улыбки. Я ответил, что мне тоже было хорошо, и почему-то поторопился выйти.

Полина приехала к полудню с пустой сумкой для кухонных мелочей, которые оставила у меня при переезде. Вошла, поцеловала меня в щеку и села к столу.

Я поставил перед ней чай и тарелку с пирогом, купленным накануне утром. Полина съела уголок, затем вытащила телефон и показала фотографию своих новых штор. На снимке шторы занимали почти все окно. Дочь в углу отражения стояла на цыпочках и держала телефон так, будто фотографировала не ткань, а небольшой личный успех.

— Нормально? — спросила она.

— Хорошо. Карниз надежный?

— Обыкновенный карниз. Хозяйка сказала, что меняли недавно.

— Я могу приехать посмотреть.

— На шторы? Приезжай на новоселье и смотри сколько хочешь.

— А если закреплено плохо?

Полина отложила телефон.

— Пап, они висят. Вчера висели, сегодня висят. Если перестанут, я замечу. Ты пирог будешь?

Я взял кусок. Дочь рассказала про работу, про коробку, которую никак не могла разобрать, и про Наталью с Павлом, занявшихся ее кухонными полками. С ее матерью мы спокойно общались все эти годы, и о Павле Полина говорила так же свободно. Ей не приходилось при мне делать вид, будто у Натальи нет своей жизни.

— Так вот, тридцатого, — сказала она. — Совсем немного людей. Вы с мамой, Павел. И, может быть, еще одна знакомая. Я тебе про нее говорила.

— Про какую?

— Лена. Она у маминой приятельницы на дне рождения была. Очень приятная. С ней легко разговаривать.

Я поставил чашку.

— Полин, не надо.

— Что не надо? Я же просто зову человека. Ты тоже человек. Будете в одной комнате, ничего невероятного.

Это было почти слово в слово то, что я утром услышал от Ники про ее мать. Только произнесенное молодым голосом, без дачи и шашлыков.

— Я помню прошлую приятную знакомую, — сказал я. — Ты посадила нас рядом и убежала мыть посуду, которой еще не было.

Полина спрятала улыбку за пирогом.

— Я хотела дать вам поговорить.

— Мы поговорили. Она спросила, зачем ты так странно на нас смотришь.

— И что ты ответил?

— Что я твой отец и должен бы знать, но не знаю.

Дочь рассмеялась, потом серьезно посмотрела на меня.

— Пап, тебе сорок два. Ты можешь не только работать и приезжать ко мне с рулеткой. Я хочу, чтобы у тебя кто-то был. Чтобы тебе хотелось куда-нибудь пойти.

— Мне и так хочется.

— Куда?

Я открыл рот и не сразу нашел ответ. Хотелось много куда. Погулять без пакетов в руках. Посидеть в кафе, не проверяя, удобно ли от него ехать по следующему делу. Просто посмотреть на город из окна чужой машины. Но вслух все это казалось каким-то несерьезным, а дочь смотрела с настоящей тревогой. Мне стало проще пошутить.

— Сейчас хочу доесть пирог. Ты весь угол отломила, я потерял направление.

Она подвинула тарелку ближе.

— Не уходи от разговора.

— Я не уйду. Я ем.

Полина вздохнула и отпила чай. Я видел, что она старается устроить мне что-то хорошее. Мог бы сказать спокойно: я не хочу сидеть напротив человека и знать, что все остальные ждут результата. Не хочу быть чьим-то удачным знакомством. Но произнести это целиком я не сумел. Вместо того чтобы закончить разговор, предложил отвезти ее сумку.

— Я сама донесу, — сказала дочь. — Там три прихватки и дуршлаг.

— Еще контейнеры.

— Хорошо, тяжелые контейнеры. Пап, я справлюсь.

Она сама уложила все в сумку и ушла. А я остался с пирогом, который уже не хотел, и очень ясным пониманием: утром у соседки я выступал человеком, способным говорить неприятную правду. До собственного стола этого умения не донес.

Я вымыл посуду и набрал Полине «Не зови, пожалуйста, Лену ради меня». Посмотрел на слова, но отправить не решился. Вдруг она уже приглашена? Вдруг дочь начнет уверять, что ради меня никто ничего не устраивает? Я заранее устал произносить все будущие реплики.

На площадке хлопнула дверь. Я выглянул в прихожую, хотя через свою дверь ничего увидеть не мог. Потом засмеялся над собой, надел кроссовки и пошел к Нике.

Она открыла с ложкой в руке.

— Если вы передумали насчет завтрака, теперь только поздний обед.

— Я передумал насчет дачи.

Ложка медленно опустилась.

— Вы уверены? Жалеть меня не нужно, я вполне выношу собственную глупость.

— Я пришел со своей.

Она посторонилась.

На столе у нее стояла миска с салатом. Ника села напротив и выслушала рассказ о Полине. Я не стал выставлять дочь настойчивой виновницей моей жизни. Рассказал, как все было: она хочет, чтобы я не сидел один, я отшучиваюсь, ясного отказа от знакомства не получилось.

— Мы оба могли бы просто сказать «не надо», — заметила Ника.

— Могли бы.

— Очень взрослый разговор получается. Давайте испортим.

Я улыбнулся.

— Два раза. Ваша дача двадцать третьего. Полинино новоселье тридцатого. Мы вроде как недавно начали встречаться. Без подробностей. Потом все заканчивается.

— И что скажем потом?

— Что не получилось. Такое бывает.

Ника посмотрела на меня поверх миски, уже без смеха.

— Удобная история.

— Да.

Мы помолчали. Мне нравилось, что она не торопится радоваться. Нравилось меньше, что от ее спокойного взгляда я чувствовал, насколько неловкую вещь предлагаю.

— Вы сейчас можете отказаться, — сказал я. — Утром я так и сделал. Это честно.

— Я помню. Нет, Костя, я согласна. На два семейных обеда. Или обед и ужин. Я еще не специалист в расписании выдуманных отношений.

— Тогда договорились?

Она протянула руку через стол.

— Договорились. Только без предложения руки. Даже временного.

Я пожал ее ладонь. На этот раз не сразу отпустил: она сама чуть задержала пальцы в моих, словно тоже проверяла, насколько все это настоящее на ощупь.

— Руку я уже вернул, — сказал я.

— Очень оперативно. Завтра встретимся? Надо хотя бы узнать, кто кому достался.

Мы выбрали кафе возле дома и шесть вечера. Когда я уходил, Ника спросила, что делать с обращением на «вы».

— Убрать, — ответил я. — А то ваша мама решит, что я пришел проверить счетчики.

— Хорошо. До завтра, Костя.

В своей квартире я наконец отправил дочери сообщение: «Я приду на новоселье с женщиной. Мы недавно познакомились. Ника. Лену ради меня не приглашай, пожалуйста».

Ответ пришел почти сразу: «Серьезно? Почему ты молчал?»

Я посмотрел на лампу. Она все еще стояла криво, но свет действительно давала хороший.

«Расскажу при встрече», — написал я.

Представляя встречу, я думал прежде всего о Нике. О том, как завтра она сядет напротив, возьмет чашку и поднимет бровь, собираясь сказать что-нибудь неожиданное.

Глава 3. Два выхода без продолжения

В кафе я пришла на семь минут раньше и успела выбрать столик, за которым люди могли бы обсуждать что угодно, кроме семейной жизни. Он стоял возле окна, вплотную к кадке с крупным растением. Один лист был направлен на мой стул с такой решительностью, что приходилось слегка отклоняться вправо.

Костя появился ровно в шесть. В темно-синей рубашке, с убранным в карман телефоном, без картонной коробки и чужих поручений. Я впервые увидела его вне подъезда и собственной кухни. Это оказалось важно: сосед мог оставаться частью дома, как лифт и почтовый ящик. Мужчина, который шел через зал ко мне, выглядел отдельным событием.

— Ты давно? — спросил он.

— Достаточно, чтобы нас тут считали постоянными клиентами. Садись.

Он потянул стул напротив, посмотрел на мой наклон и на растение.

— Поменяемся?

— Я уже с ним договорила.

Лист коснулся моего виска.

— Не до конца, — заметил Костя.

Мы пересели за соседний столик. Официантка принесла меню, и я зачем-то положила между нами блокнот. На первой странице было написано: «Мама. Папа. Катя. Антон». Ниже я вывела: «Не говорить про сына Виктора Павловича». Получался очень скромный список достижений женщины, которая всю жизнь работала со словами.

Костя прочитал вверх ногами.

— Что сделал сын?

— Ничего. В этом его главное преимущество. Мы не знакомы.

— Почему не говорить?

— Чтобы мама не поняла, что я тебе объясняла, от кого ты ее отвлекаешь.

Он задумался.

— Может, не надо столько готовиться? Буду отвечать как есть.

— На даче это опасно. Папа может спросить, любишь ли ты кабачки. Ответишь честно, и тебе дадут с собой столько, что придется снова покупать большую квартиру.

— Кабачки пока не выросли.

— Они умеют ждать. У нас есть замороженные.

Он рассмеялся и взял меню. Я заметила, что смех делал его моложе не по возрасту, а по настроению: уходила привычная готовность разобраться с тем, что случилось. Оставалось простое удовольствие.

Мы заказали чай и по сэндвичу. Я предупредила, что каждый платит за себя. Костя спокойно кивнул, и мое заявление сразу показалось излишне торжественным.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь знакомимся?

— Давай. Вероника Соснина. Тридцать семь лет. Перевожу субтитры. Живу напротив тебя. Последнее место жительства не скрываю.

— Константин Зорин, сорок два. Водитель автобуса. Работаю по сменам, поэтому иногда здороваюсь утром с видом человека, у которого уже вечер.

— Городского?

— Да.

Я представила его за рулем большого автобуса. Не кинематографически: без красивого света, музыки и восхищенных пассажиров. Просто ту же широкую ладонь на руле и внимательный взгляд вперед. Мне вдруг стало любопытно, какой он на работе, когда шутить некогда и за спиной весь день чужие голоса.

— Устаешь от людей?

— Иногда. Больше от того, что каждый уверен: если он один раз успеет, весь город тоже. Но бывает смешно. Недавно взрослый мужчина сел и сразу спросил, куда едет. Будто доверился судьбе и хотел уточнить направление.

— Может, у него мать на даче кого-то приготовила.

— Тогда понятно.

Нам принесли чай. Костя подвинул сахарницу так, чтобы я могла достать, но чашку наполнять за меня не стал. Я любила такие мелкие, невыразительные удобства и обычно не замечала их, пока кто-нибудь не принимался слишком усердно заботиться.

— А субтитры ты сама придумываешь? — спросил он.

— Только плохие. Хорошие стараюсь переводить.

— Я серьезно.

— Я тоже. Иногда человек говорит долго и красиво, а тебе надо уместить это в две короткие строки. И чтобы зритель успел еще на человека посмотреть. Вчера один оправдывался так, что я чуть не оставила его без алиби.

— Получилось?

— Он сказал: «Я хотел как лучше». Идеально помещается. Пользоваться не рекомендую.

Костя внимательно посмотрел на меня. Я приготовилась к привычному вопросу, не хочу ли я заняться чем-то еще, раз целый день сижу дома. Он спросил другое:

— Тебе нравится?

Я почему-то ответила не сразу.

— Да. Не каждую минуту, но нравится. Особенно когда смешное получается смешным и по-русски. Бывает, полчаса двигаешь три слова. Потом наконец видишь: вот. Больше трогать нельзя.

Я отодвинула блокнот. Разговор шел сам, и мне совсем не хотелось возвращать его к тому, ради чего мы встретились.

Это сделал Костя.

— Еще важное. Я разведен. Восемь лет. С Натальей нормально общаемся, у нее своя жизнь. Полине двадцать два, она недавно сняла квартиру. Никаких сюрпризов на новоселье быть не должно.

— Кроме меня.

— Кроме тебя.

— Я тоже разведена. Три года назад. Детей нет.

Я взяла чашку и посмотрела, как чай движется у края. Обычно после слова «разведена» хотелось немедленно добавить что-нибудь легкое. Что я сохранила в браке лучшие кастрюли. Что бывший муж жив, цел и, вероятно, до сих пор покупает одинаковые носки. Но Костя не ждал ни отчета, ни шуток.

— То есть никто никому сейчас не изменяет, — сказала я.

— Нет.

— И никто не вернется с неожиданным вопросом, почему его близкий человек изображает чужого.

— Только Полина, если узнает.

Он произнес это без улыбки. Я смутилась и стала медленно поворачивать чашку за ручку, не зная, что ответить. За столиком возле окна лист растения качнулся от проходившей официантки.

— Мы ведь можем еще отменить, — сказала я.

Костя посмотрел на блокнот.

— Можем. Ты хочешь?

Проще было отменить. Только мне хотелось провести с ним еще один день, пусть нелепый, пусть в окружении моих родных.

— Нет. Просто проверяю, есть ли выход.

— Есть.

Я кивнула и открыла чистую страницу.

— Тогда минимум вымысла. Познакомились в подъезде, помогли друг другу с коробками. Общаемся недавно. Нам интересно вместе. Никаких историй о судьбоносной встрече у последнего арбуза.

— Мне пока интересно, — сказал он.

Я уставилась на него, потому что не сразу поняла, относится ли это к перечню ответов.

— Это можно говорить? — спросила я.

— Почему нет?

Я записала что-то неразборчивое. Его ладонь лежала рядом с моей, на расстоянии ширины блокнота. Когда официантка принесла еду, Костя убрал руку, и я поймала себя на досаде. Мне хотелось еще немного видеть ее рядом.

Мы перечислили имена. Тамара и Виталий, Катя и Антон с моей стороны. Полина, Наталья и Павел с его. Я спросила, как обращаться к бывшей жене, и Костя с искренним недоумением ответил: «Наталья». В его голосе не было спрятанных сложностей. Я решила поверить.

— А друг к другу? — спросила я. — При родных. Просто Ника и Костя?

— Мы так уже умеем.

— Может, для правдоподобия что-нибудь ласковое? Хотя бы один раз.

Он аккуратно положил сэндвич на тарелку.

— Например?

— Не знаю. Дорогая.

Костя посмотрел на счет, который официантка заранее положила сбоку, потом на меня.

Я прыснула. Он попытался сохранить серьезное лицо и не сумел.

— Не так, — сказала я. — С выражением. Ты должен обращаться к женщине, а не оценивать ее по меню.

— Ника, дорогая, передай, пожалуйста, соль.

Слова прозвучали с вежливостью человека, который хочет вернуть покупку без чека. Я подала соль обеими руками.

— Конечно, мой... — начала я и остановилась.

— Что?

— У меня ничего не идет после «мой». Костик?

Он медленно покачал головой.

— Я сейчас перестану отзываться.

Мы рассмеялись одновременно, громче, чем стоило в маленьком кафе. Официантка обернулась, увидела соль между нами и благоразумно пошла дальше.

— Все, — сказала я, промокая уголок глаза салфеткой. — Никаких ласковых слов. Мы люди сдержанные, недавно познакомились, еще не все испортили.

— И никакого представления с поцелуями, — добавил Костя. — Нам ведь не нужно никого убеждать любой ценой.

— Согласна. Можно сидеть рядом. Если я тебя возьму под руку, не думай, что падаю.

— Постараюсь.

На этом следовало бы закончить встречу. Мы пришли, узнали необходимое, составили вполне сомнительный план. Но Костя предложил еще чаю, и я согласилась. Чистая страница осталась почти чистой. Мы говорили о том, как странно выбирать себе занавески, когда никто с тобой не спорит, и почему дома всегда остаются ненужные крышки. Я призналась, что в моей

квартире есть крышка, к которой не подходит вообще ничего, а выбросить жалко, потому что вещь качественная.

— Можно принести ко мне, — предложил он. — Проверим. Вдруг у нас совпадение.

Я подняла брови.

— Так вот как ты знакомишься с женщинами.

— Обычно до этого не доходит.

Когда принесли два отдельных счета, мне стало почти обидно, что решение настолько легко исполнить. Я сама все правильно устроила: каждый за себя, два выхода, никакого продолжения. Слова лежали ровно, как его кроссовки в прихожей. Только внутри меня что-то уже слегка выбилось из порядка.

До дома мы пошли вместе. У входа в небольшой магазин Костя остановился: надо было купить продукты перед завтрашней сменой. Я могла зайти с ним, но решила не удлиннять встречу еще и рассматриванием макарон.

— До двадцать третьего? — спросила я.

— Мы же соседи. Наверное, раньше.

— Точно. Никакой таинственности.

Он улыбнулся и ушел в магазин. Я прошла дальше, увидела у уличной стойки две светло-зеленые кепки и почему-то остановилась. На каждой был вышит маленький кривой огурец с выражением крайней уверенности. Рядом висели панамы с вишнями, но огурец смотрел так, словно знал, как мне жить, и собирался изложить это кратко.

Продавщица заметила мой интерес.

— На дачу хорошо. Не жаркие.

Я купила две одинаковые кепки, расплатилась и только на следующем углу поняла, что добровольно приобрела парную одежду. Для мужчины, с которым только что обсудила пределы вымысла. Очень разумный поступок. Почти необходимый.

Дома я примерила одну, посмотрела на свое отражение и рассмеялась. Огурец придавал всему лицу вид человека, который не собирается объясняться. Вторую кепку я положила на тумбочку, потом убрала в шкаф под шарф. Там ее никто не видел, включая меня.

Через полчаса, проходя мимо, я все-таки открыла шкаф. Просто проверить, не помялась ли.

Глава 4. Почти семейный человек

Двадцать третьего мая я вышла на площадку с пакетом пирожных, легкой курткой и двумя кепками. Костя ждал у лифта. На нем была белая футболка под расстегнутой рубашкой, и мне сразу захотелось спросить, почему он не предупредил. Нельзя просто так выходить к человеку, который привык видеть тебя с коробкой, и выглядеть настолько подходящим для поездки вдвоем.

Вместо этого я протянула ему кепку.

— Это необязательно. Просто увидела и подумала, что на даче бывает солнце.

Костя взял ее за козырек, изучил вышивку, потом посмотрел на мою.

— Мы будем отвечать за огурцы?

— За сходство вкусов. Надень хотя бы до ворот, а потом можешь заявить, что потерял в дороге.

Он надел. Огурец оказался ровно над переносицей и ничуть не уменьшил моего затруднения. Скорее, добавил к нему нежелательную смешливость.

— Как? — спросил Костя.

— Теперь мама точно даст тебе замороженные кабачки. Сразу видно: свой человек.

Он протянул руку к пакету с пирожными. Я отдала пакет, а кепку оставила на голове, хотя в подъезде она была явно лишней.

Мы ехали на такси, сидя рядом на заднем сиденье. Я заранее прислала Косте адрес, и теперь могла только смотреть в окно и коситься на его колено. Мое находилось достаточно близко, чтобы при повороте машины мы случайно соприкоснулись. Я чуть отодвинулась, потом рассердилась на собственную старательность и вернулась как сидела.

— Что я должен помнить? — спросил он.

— Мама любит кормить. Папа любит рассказывать, как можно было сделать лучше. Катя любит объявлять программу, даже если мы просто сели есть. Антон обычно выжидает, а потом выигрывает.

— Во что?

— В жизнь. У него очень терпеливое лицо.

Костя улыбнулся и повернулся к окну. Я вдруг заметила, как ему нравится ехать пассажиром: руки свободно лежали на коленях, взгляд ни за что не цеплялся. Он не пытался подсказывать дорогу, следить за поворотами, проверять, успеем ли мы. И от этого молчаливого удовольствия мне стало спокойнее.

— Хорошо? — спросила я.

— Да. Сидишь и едешь. Никому от тебя ничего не нужно.

— Еще десять минут. Наслаждайся.

Он посмотрел на меня, и мы улыбнулись друг другу так просто, что я на секунду забыла, куда и зачем мы направляемся.

Мама ждала у калитки. На ней был фартук с огромной клубникой, а в руке полотенце, совершенно не нужное для встречи гостей. Увидев наши одинаковые кепки, она остановилась. По лицу было видно, как быстро ей захотелось задать сразу все вопросы и как самоотверженно она их проглотила.

— Здравствуйте, — сказал Костя. — Константин.

— Тамара. Очень рада. Проходите, пожалуйста. Ника, отдай человеку пакет, то есть заberi, он же с дороги.

Я забрала пирожные, мама немедленно забрала их у меня. Получилось, что Костя привез матери пакет, который она не разрешила ему нести дальше трех метров.

Папа появился из-за дома, вытирая ладони о рабочие брюки.

— Виталий, — представился он и пожал Косте руку. — Хорошая погода. До вечера, во всяком случае.

— Пап, не пугай гостя прогнозом, — сказала я.

— Я предупреждаю. У нас тут все честно.

Костя взглянул на меня, и я с преувеличенным вниманием посмотрела на грядку. На грядке ничего, пригодного для немедленного спасения разговора, не росло.

Катя выскочила из дома следом за Антоном. Сестра обняла меня одной рукой, другой держала бумажные салфетки.

— Мы сегодня без церемоний, — объявила она. — Только познакомимся, поедим, погуляем. Ты Константин или Костя?

— Костя.

— Отлично. Я Катя, это Антон. У нас в семье сокращения приветствуются, особенно если помогают быстрее сесть за стол.

Антон кивнул и негромко сказал:

— Не верь. Стол только начало.

Я рассмеялась первой, слишком громко. Костя стоял рядом, спокойный, с моим нелепым огурцом над лбом, и я вдруг страшно захотела, чтобы всем понравился. Не наш выдуманный роман, а он сам. Чтобы никто не сказал лишнего, не посмотрел оценивающе, не начал искать ему более подходящую работу или более удобный характер.

Но мама уже спросила, не жарко ли ему, отец пригласил посмотреть, где будет стол, а Катя шепнула мне на ухо:

— Хороший.

— Ты его сорок секунд видишь.

— За сорок секунд можно многое испортить. Он пока ничего.

Мы прошли под навес. Стол был накрыт только наполовину: мама меняла скатерть, потому что прежняя оказалась «слишком будничной», хотя обещала обычный обед. Папа стоял возле сложенных садовых стульев и пытался решить, сколько нам понадобится. Нас было шестеро, стульев тоже шесть. Решение почему-то задерживалось.

Костя положил куртку на лавку и сразу взял два стула.

— Сюда?

— Вот сюда, — обрадовался отец. — А этот к краю. Нет, подожди, Тамара захочет сидеть ближе к дому.

— Тамара захочет, чтобы вы перестали разговаривать о ней в будущем времени, — отзывалась мама из дверей. — Я здесь.

Костя просто перенес стул. Не суетился, не старался понравиться. Именно поэтому и нравился, хотя к этому я совершенно не готовилась.

Пока мужчины ставили стол ровнее, мы с Катей принесли тарелки. Сестра поглядывала на меня с нетерпеливой радостью, но расспрашивать не начинала. Это оказалось хуже вопросов: приходилось чувствовать, как она бережет то, чего не существовало.

За стол мы сели уже через полчаса. Мама налила лимонад и предложила каждому хлеб так торжественно, будто проверяла готовность принять семью целиком. Костя взял кусок, поблагодарил и улыбнулся мне. Я положила руку ему на предплечье. Для родных, конечно. Чтобы мама наконец выдохнула. Он повернул ладонь и чуть коснулся моих пальцев, после чего вся полезная цель прикосновения стала совершенно неважна.

— А давно вы познакомились? — спросила мама, как будто этот вопрос не держал ее за горло с самой калитки.

— Совсем недавно, — сказали мы одновременно.

Катя спрятала рот за стаканом. Отец поднял брови.

— Дружно, — заметила мама. — Я поняла. Ника рассказывала, что ты живешь рядом.

— Через площадку, — ответил Костя. — Квартиры сорок семь и сорок восемь.

— Да мы знаем, где Ника живет, — добродушно сказал папа.

Я почувствовала, как уши становятся горячими.

— Зато теперь понятно, кто будет забирать доставку, если меня нет дома, — сказала я.

— Я по сменам работаю, — ответил Костя. — Не всегда получится.

Это было настолько не похоже на тщательно подготовленного кавалера, что мама сразу расслабилась.

— Правильно. И не надо человеку поручать с первых дней. Ты у нас все шутишь, а кто-нибудь и всерьез примет.

Я посмотрела на Костю. Он спокойно пил лимонад. Под столом мой носок коснулся его кроссовка, и я поспешно убрала ногу, хотя никто нас не видел.

Катя решила, что пора переходить к развлечениям.

— Пока мясо готовится, очень важный вопрос. У нас тут два салата и три вида хлеба. Надо понять, кто что любит, иначе мама все положит всем.

— Я и без понимания положу, — сказала мама.

— Отлично, а мы для науки. Антон, что я выбираю первым?

— Чужую тарелку, — ответил ее муж.

Катя ткнула его салфеткой, рассмеялась и повернулась к Косте.

— А Ника? Сладкое или соленое?

— Сладкое, — уверенно сказал он.

Я медленно отложила вилку.

— Почему?

— Ты привезла пирожные.

— Я привезла их вам. Себе я купила соленые сухарики и съела в лифте вчера вечером, чтобы не оставлять дома доказательств.

Папа уткнулся лицом в салфетку, пряча смех. Мама покачала головой, но тоже улыбалась.

— Вот, — сказала я, обращаясь к Косте. — Самое важное узнается постепенно. Вдруг я еще и хлеб изнутри выедаю.

— Выедает, — немедленно сообщил Антон. — Однажды оставила на столе очень правдоподобный батон.

— Он был красивый. Я не хотела нарушать форму.

Катя смеялась, прижав ладони к щекам. Костя смотрел на меня с таким открытым весельем, что я уже не могла понять, изображает он близкого человека или просто хорошо проводит время. Мне нравились оба варианта, и это было самым неразумным в сегодняшней поездке.

Отец поднялся проверить мангал. Костя тут же встал следом.

— Помочь?

— Если не трудно. Там тарелку надо принести большую.

Он принес тарелку, затем стул для папы, потом еще одну доску. Я смотрела, как легко Костя включился в дачный порядок, и чувствовала тихую гордость за выбор, которого на самом деле не делала. Мама поймала мой взгляд и улыбнулась. От этой улыбки мне стало чуть неловко, но я взяла огурец и принялась есть с сосредоточенным видом.

Через несколько минут Костя вернулся, сел и успел только повернуться ко мне, как папа позвал из-за угла:

— Костя, поддержишь с этой стороны?

— Сейчас.

Он снова поднялся. Мама проводила его одобрительным взглядом.

— Сразу видно, человек дела, — сказала она.

— Еще бы, — ответила я. — Пока мы болтаем, кто-то удерживает дачу от распада на составные части.

Это прозвучало смешно. И все-таки мне хотелось, чтобы он посидел рядом подольше. Он отлично справлялся с тем, ради чего я его привезла.

Когда он наконец вернулся с папой и блюдом мяса, я подвинула ему тарелку, на которой уже лежал салат.

— Ешь, пока тебя не назначили главным по урожаю, — сказала я тихо.

— А ты за меня вступишься?

— Я могу вынести тебя за калитку под видом складного стула.

Костя наклонился ко мне ближе, чтобы ответить, и я почувствовала теплый воздух возле виска.

— Тогда придется нести вдвоем.

Я подняла глаза. Мама смотрела в свою тарелку с подчеркнутым вниманием. Катя зачем-то разглаживала одну и ту же салфетку. Мне стало весело и страшно: со стороны мы, наверное, действительно выглядели парой. А изнутри все выглядело совсем как желание еще немного посидеть рядом.

Над участком потянуло прохладой. Папа посмотрел на небо.

— Кажется, мой прогноз поторопился.

Первая капля упала на край стола. Катя подставила ладонь, мама схватила корзинку с хлебом, а Костя успел убрать мою кепку со спинки стула раньше, чем я вспомнила, где ее оставила.

— Огурец намокнет, — объяснил он.

Я взяла кепку и прижала к коленям. Какое-то очень маленькое, очень глупое счастье помещалось в этой заботе о вышитом овоще.

Глава 5. Ужин с переменной облачностью

Дождь был несильный, но упрямый. Он шел почти горизонтально, словно у него имелись личные претензии к нашему столу. Мы отодвинули стол глубже под навес, потом еще немного, после чего папа оказался прижат к стене, а Антон мог встать только вместе со стулом.

— Всем удобно? — спросила мама.

Все посмотрели друг на друга.

— Отлично, — сказала она. — Тогда мясо доедаем здесь, а чай в доме.

— Мне бы сначала освободить левую ногу, — заметил папа.

Костя тут же потянулся подняться, но отец остановил его ладонью.

— Сиди. Я сам залез, сам и выберусь. Тамара, твоя сумка.

Из-под папиного стула извлекли огромную хозяйственную сумку с контейнерами. Мама посмотрела на нее с сожалением: приготовленные средства вывоза обеда обнаружили раньше времени.

— Я просто взяла на всякий случай, — сказала она.

— Мама, там можно вывезти Антона, — отозвалась Катя.

Антон покосился на боковой карман.

— Только без куртки.

Мы рассмеялись, и обед продолжился. Костя сидел вплотную ко мне. Теперь никакая роль не объясняла, почему я так отчетливо чувствовала его плечо: мы просто не помещались. Он сдвинул локоть, освобождая мне место, и я тихо сказала, что все хорошо. Ему, кажется, тоже было хорошо. Во всяком случае, отодвигаться дальше он не стал.

Папа рассказывал, как однажды они с мамой купили разборную скамейку без двух нужных деталей и всю дорогу спорили, можно ли сидеть на намерении. Мама уверяла, что спорил только он, а она сразу предложила вернуть. Катя потребовала уточнить, на чьей стороне в итоге сидели. Я смеялась вместе со всеми и в какой-то момент поймала Костин взгляд.

Он слушал меня. Не рассказ, не общий гомон, а мой смех. Удивительно было чувствовать это посреди семьи, где я много лет отвечала за веселую часть. Я привыкла замечать, когда надо добавить реплику, перевести разговор, отвлечь мать от слишком серьезного вопроса. Сейчас мне впервые захотелось ничего не добавлять. Посидеть, прислонившись к его руке, и дать папе самому закончить историю.

Конечно, я все-таки добавила.

— По-моему, у нас и сейчас половина мебели держится на счастливом браке.

Папа выразительно качнулся на стуле. Мама велела не расшатывать. Катя прыснула, а Костя улыбнулся, не отводя от меня глаз.

К вечеру дождь оставил нас в покое, но стол решено было не переносить обратно. Мама собиралась поставить чай на веранде и внезапно выяснила, что свежего салата почти не осталось. Это не угрожало никому из нас: еды было столько, что некоторые тарелки по-прежнему выглядели совершенно нетронутыми. Но мама посчитала отсутствие салата личным недосмотром.

— Ника, порежьте еще немного, — сказала она. — Костя, ты ей поможешь? Огурцы на кухне, зелень рядом. Зеленые из миски тоже можно. Только красные не трогайте, они к пирогу. Сыр добавьте, если захотите. Я сейчас приду.

Она скрылась в доме за тарелками. Мы с Костей пошли на кухню. На столе стояла миска с красными и зелеными яблоками. Рядом лежали огурцы, пучок укропа и еще одна миска, закрытая полотенцем.

— Зеленые из миски, — повторил Костя.

— Я слышала.

Он взял яблоко и посмотрел на меня.

— Это точно салат?

— У мамы бывают поиски. Однажды она положила в капусту изюм, и папа сказал, что теперь не знает, чем ее заедать.

Костя вымыл два яблока. Я нарезала огурцы, он занялся яблоками. На тесной кухне приходилось все время уступать друг другу место: то отойти от раковины, то наклониться за миской, то просто повернуться боком. Один раз он положил ладонь мне на талию, чтобы предупредить, что проходит с доской. Ладонь тут же исчезла, а я еще несколько секунд совершенно бессмысленно смотрела на укроп.

— Так нормально? — спросил Костя.

Я подняла глаза. На доске лежали аккуратные яблочные ломтики.

— Слишком красиво. Мои огурцы теперь выглядят так, будто их рубили в сердцах.

— Их можно спрятать внизу.

— Нет, пусть учатся.

Он ссыпал яблоки в миску. Я взяла сыр, отрезала кусок и задумалась, сколько нужно. Костя уже держал терку.

— Ты почему уверен, что тереть? — спросила я.

— Она лежала рядом.

— Рядом еще ваза. Будем украшать?

Он посмотрел на полку, где и правда стояла маленькая ваза с искусственным цветком.

— Можно. Но есть неудобно.

Мы решили нарезать сыр кубиками. Костя делал свои ровными, я торопилась, поэтому мои получались свободной формы. В конце я смешала все так старательно, чтобы никто не мог установить авторство. Салат выглядел вполне аппетитно, если не знать, насколько мало мы понимали замысел.

Мама вошла как раз в ту минуту, когда Костя попробовал яблоко с огурцом.

— А вы что сделали?

Я посмотрела на него. Он медленно прожевал.

— Салат, — ответила я. — Как заказывали. Все зеленое из миски.

Мама откинула полотенце со второй миски. Под ним лежали зеленые листья.

Мы посмотрели на листья. Потом на яблоки. Костя поставил ложку так осторожно, будто она могла дать против нас показания.

— А красные к пирогу? — уточнила я.

— Красные помидоры! — Мама показала на блюдо у плиты. — Я хотела открытый пирог с помидорами и сыром. Никочка, яблоки у нас с собой просто так, поесть.

Мы перевели взгляд на остаток сыра, совсем маленький.

Мама тоже посмотрела.

— Понятно, — сказала она.

Тут я не выдержала и засмеялась. Костя пытался удержаться дольше меня, но мама взяла ложку, попробовала наш салат, задумалась и сказала:

— А ничего.

Он отвернулся к раковине. Я прислонилась к столу, потому что ноги от смеха внезапно стали ненадежными.

— Знаете что, — сказал Костя, наконец повернувшись, — мы можем честно назвать это самостоятельным блюдом.

— Оно и так самостоятельное, — ответила мама. — Я к нему отношения не имею. Несите к столу.

На веранде Катя спросила название. Я объявила «Мамин замысел», и мама немедленно потребовала убрать ее из названия. Антон попробовал первым, сказал, что ему нравится, и положил еще. Папа долго разглядывал яблочный ломтик.

— Виталий, просто ешь, — сказала мама. — Ты уже весь салат проанализировал.

Я смотрела на них и машинально составляла короткие строки. Папе: «Я доверяю, но хочу понять состав». Маме: «Я обещала обычный обед. Никто не обещал обычный салат». Кате: «Если Ника сейчас засмеется, узнаю подробности». Костя поймал мой взгляд и тихо спросил:

— Что там у тебя?

— Субтитры.

— Нам?

Я кивнула.

— Скажи вслух, — попросила Катя, которая слышала даже тихое, если оно могло оказаться интересным.

Я назвала первые две строки. Папа торжественно кивнул, мама погрозила мне ложкой. Костя подождал, пока они перестанут смеяться, и спросил:

— А у меня что?

Я посмотрела на его руки, на расстегнутый ворот рубашки, на лицо, которое уже успело стать мне знакомым.

Я могла придумать за него любую реплику. Но сама хотела сказать только: «Побудь еще».

— «Я только пришел поесть», — сказала я.

— Согласен, — отозвался он, и все опять засмеялись.

Чай затянулся. Катя с Антоном ушли посмотреть, просохла ли дорожка, папа отправился убирать оставшиеся стулья, а мама сосредоточилась на контейнерах. Я вынесла на кухню пустые чашки. Костя помог перенести блюдо, потом остановился у двери.

— Пойдем на минуточку?

Он показал на край навеса, где стояла короткая лавка. Оттуда было видно мокрые кусты и калитку. Я села рядом с ним и впервые за день не стала придумывать тему. Из дома доносился мамин голос: она убеждала кого-то взять остаток пирога, хотя пока не было ясно кого.

Костя откинулся к стене. Я положила кепки между нами и разглядывала каплю на краю крыши. Она становилась все тяжелее, но никак не падала.

— Ты устала? — спросил он.

— От родных? Никогда. Я же обожаю семейный отдых: три тарелки, две смены погоды, одна новая кулинарная традиция.

Он не подхватил шутку.

— Можно просто посидеть.

Я повернулась к нему. Костя смотрел на сад. Я тоже посмотрела: на мокрую яблоню, на воду, срывающуюся с края навеса.

— Можно, — сказала я.

Мы помолчали. Я чувствовала, как медленно исчезает привычная готовность ответить первой. Совсем рядом была его рука, свободно лежащая на скамейке. Можно было придвинуться, сослаться на холод, продолжить нашу игру для окон дома. Я не стала. Мне хотелось, чтобы прикосновение однажды обошлось без объяснения.

— Тебе правда было не скучно? — спросила я спустя несколько минут.

— Правда. У вас хорошо.

— Даже когда тебя превращают в дополнительного папу для мебели?

— Я сам предложил.

— Я видела.

Он повернулся ко мне.

— А тебе?

— Мне тоже было хорошо.

На этот раз я не добавила ничего смешного. Костя посмотрел внимательно, как смотрел перед тем, как отвечать на трудный вопрос. Но вопроса не было, и он просто улыбнулся.

Обратно мы снова ехали на такси. Мама сумела выдать нам два контейнера, половину пирога и пакет с яблоками, который Костя держал на коленях. За окном темнел Нижний Новгород. Я прислонилась виском к холодному стеклу, потом выпрямилась. Костя заметил, но не предложил плечо. За это почему-то было и спокойно, и досадно.

— Полине понравится салат, — сказал он. — Она любит странное.

— Тогда я ей тоже подойду.

— Думаю, да.

Я посмотрела на него. Машина шла по освещенной улице, и на лице то появлялся свет, то снова исчезал. Ответ был про будущий обед, всего лишь про роль, которую я должна сыграть. Но мне захотелось сохранить именно его интонацию.

У наших дверей Костя отдал мне пакет с моим контейнером. Я взяла. Он взялся за ключи. Я тоже. Мы оба зачем-то остались стоять.

— Спасибо за сегодня, — сказала я.

— Тебе спасибо.

— Я, кажется, не очень убедительно изображала счастливую женщину. Все время шутила.

— Убедительно, — ответил он. — Но лучше всего, когда просто сидела.

У меня пропали все подходящие слова. Осталась совершенно неуместная мысль о том, как близко его лицо и как легко сделать шаг. Я посмотрела на замок своей двери и вспомнила про кепку.

Вечером, собираясь, я сунула обе к себе в сумку. Теперь достала его кепку и протянула.

— Твоя. Считай, выдана по итогам службы на даче.

Он взял кепку за козырек.

— Буду носить.

— Не обязан.

— Я знаю.

Костя открыл дверь, пожелал мне доброй ночи и ушел к себе. Я еще несколько секунд стояла с ключом в руке, потом тоже открыла квартиру. Свою кепку положила на тумбочку, не пряча.

Дома было тихо. Тишина обычно мне нравилась. Сегодня я сняла кроссовки, прошла на кухню и вдруг поймала себя на том, что продолжаю улыбаться человеку, которого здесь уже не было.

Глава 6. Кто кому достался

На новоселье я взяла желтое кухонное полотенце и небольшую коробку печенья. Полотенце выбирала дольше, чем платье. Мне хотелось поздравить Полину, а не заявить о будущем участии в ее жизни, которое я себе зачем-то уже представила.

Костя увидел сверток, когда мы встретились у лифта, и сказал:

— Красивое.

— Ты даже не знаешь, что там.

— Но завернуто красиво.

— Спасибо. На этом наши знания о подарке совпадают.

После дачи мы несколько раз здоровались, однажды спускались в лифте вместе и дважды обменялись сообщениями о тридцатом мая. Все было разумно. Я даже успела убедить себя, что удовольствие от его общества вполне укладывается в понятие хорошего соседства. Для этого требовалось не вспоминать лавку под навесом и по возможности не смотреть на соседскую дверь.

В тот день Костя нес помимо своего подарка пакет с помидорами. Он купил их по дороге с работы накануне и теперь с сомнением разглядывал через прозрачный бок.

— Что не так? — спросила я.

— Красивые очень.

— Это подозрительно?

— Обычно надежнее те, на которые смотреть не хочется.

У Полины оказалось светло и немного пусто. В прихожей стояли еще не разобранные коробки, но у каждой была ясная надпись. «Кухня», «Работа», «Не знаю». Последняя была самой большой, и я сразу почувствовала к хозяйке расположение.

Полина открыла нам в светлых джинсах и футболке, с заколкой в волосах и мукой на пальце. Она обняла отца, потом повернулась ко мне.

— Ника? Здравствуйте. Очень рада.

— Давай на «ты». Поздравляю с новым домом.

Я протянула подарок. Полина развернула полотенце тут же, приложила к себе, как платье, и сказала:

— Отлично. А то у меня все серое. Кухня получилась серьезнее меня.

Костя заглянул ей за плечо.

— Карниз покажешь?

— Пап, сними сначала обувь. Он никуда не денется.

Она взяла у него пакет с помидорами и исчезла на кухне. Я успела услышать ее короткое «Ого». Костя посмотрел на меня: он тоже услышал.

В комнате Наталья расставляла стаканы, а Павел пытался разложить складной стол. Наталья была в простом зеленом платье, с короткой стрижкой и совершенно спокойной улыбкой. Я заранее приготовилась чувствовать себя неуместной рядом с ней. Наталья сказала:

— Проходи, Ника. Стул выбирай сейчас. Потом Павел объявит, что все самые удобные заняты.

— Я уже объявил, — отозвался Павел, не отрываясь от механизма. — Меня не слышали.

Костя шагнул к столу, но тот в ту же секунду раскрылся. Павел поднял руки с таким видом, будто победил в честной борьбе.

— Все. Помощь поздняя, слава моя.

— Даже не спорю, — ответил Костя.

Он прошел в комнату и действительно сначала посмотрел на карниз. Полина заметила это из кухни.

— Стоит?

— Висит.

— Замечательно. Квартира принята.

Она произнесла это со смехом, но я увидела, как ловко повернула отца за плечи к столу. Ей хотелось показать ему дом, а ему все время хотелось проверить, нет ли в этом доме работы для него.

Мы сели. Полина принесла горячее, Наталья салат, а Павел торжественно поставил хлеб, купленный в новой ближайшей пекарне. Костя достал красивую деревянную доску, свой подарок. Полина провела по ней ладонью и сразу подложила под корзинку.

— Буду беречь, — сказала она.

— Она для того, чтобы резать, — возразил Костя.

— Сначала порадуюсь. Потом начну портить.

Помидоры оказались твердыми и почти безвкусными. Все выяснили это примерно одновременно, но некоторое время молчали. Павел жевал с задумчивым видом, Наталья рассматривала ломтик, а Полина посмотрела на отца с мягким укором.

— Они хотя бы красивые, — сказал Костя.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Ты еще в лифте заподозрил.

— Надеюсь, что ошибаюсь.

— Можно поставить на полку, — предложил Павел. — До следующего новоселья сохранятся.

Полина унесла оставшиеся помидоры, достала огурцы и на ходу сказала, что завтра запечет помидоры с чем-нибудь. Никто не делал из неудачной покупки трагедии. Костя тоже смеялся, и я снова почувствовала то опасное спокойствие, которое возникало рядом с ним: можно ошибиться на глазах у людей, и вечер не закончится.

После еды Полина принесла маленькую стопку карточек.

— Я хотела купить игру, — призналась она, — но потом посмотрела вопросы и поняла, что сама умею спрашивать, кто дольше собирается. Так что у нас авторская версия. Для двух пар и одной ведущей, которая знает всех, кроме Ники, но сейчас наворачстает.

Я чуть крепче взялась за стакан. Костя положил свою ладонь на стол рядом с моей, не касаясь. От этой близости стало легче и одновременно труднее.

— Мы совсем недавно... — начал он.

— Поэтому вам проще, — перебила Полина. — Можно все списывать на это. Маме с Павлом такой льготы нет.

Наталья улыбнулась.

— Мы договоримся по ходу.

— Нельзя договариваться. Каждый пишет свой ответ, потом сравниваем. Ничего страшного, все вопросы приличные. Почти скучные.

Первым было: «Кто в вашей паре чаще ищет ключи?»

Наталья и Павел одновременно написали «Павел». Тот попытался возразить, что ключи не теряет, а кладет в предусмотренные места, которых просто много. Полина не приняла объяснение и нарисовала им на листе огромную галочку.

Я написала «Я». Костя тоже написал «Я». Мы показали листки и посмотрели друг на друга.

— Так вы еще не выяснили? — удивилась Полина.

— У нас отдельные ключи, — сказала я. — Каждому хватает своих забот.

— Я иногда кладу в другой карман, — добавил Костя.

— А я кладу ключи в карман куртки, которую потом вешаю в шкаф. И ищу не ключи, а собственное решение переодеться.

Полина поставила нам половину галочки. Получилась палочка, которую Павел тут же назвал вполне достойным началом.

Следующий вопрос был про любимый завтрак другого. Я написала Косте чай и хлеб с сыром: это видела собственными глазами. Он написал мне кофе и тосты. Полина посмотрела ответы и обрадовалась.

— Тут совпало?

— Почти, — сказала я. — Я тосты люблю, пока они еще не стали углем.

— Я учел удачную часть, — ответил Костя.

Наталья перевела взгляд с него на меня и улыбнулась без вопроса. Мне стало жарко: завтрак совершенно невинный, а прозвучал так, будто за ним стояло гораздо больше. Исправлять впечатление при всех было бы странно. Я опустила глаза на свой листок и поняла, что настоящая неловкость начинается как раз там, где все очень легко принять за правду.

Полина прочитала новую карточку:

— Что ваш человек сделает первым, если внезапно получит свободный день?

Костя написал быстро. Я задумалась. Перед глазами были стулья, мангал, карниз, его готовность подняться при любом слове «помочь». Я вывела: «Найдет, кому пригодиться».

Он показал свой ответ обо мне: «Поспит, потом будет решать».

— Очень хорошо, — сказала я. — Даже обидно, что ты угадал так быстро.

— А про меня?

Я перевернула листок. Костя прочитал, улыбнулся не сразу.

— Наверное. Но я хотел бы просто погулять. Без списка.

В комнате на секунду стало тише. Я увидела не обиду, а что-то гораздо менее удобное: я ответила про то, каким он казался полезным, а он рассказал, чего хотел сам.

— Можно исправить? — спросила я у Полины.

— Можно все. У нас даже приза нет.

Я зачеркнула свою строку и написала: «Погуляет без списка». Костя чуть повернул ко мне ладонь. Я коснулась его пальцев под краем листка и тут же почувствовала, как он осторожно сжал мои.

— Нам тоже исправить? — спросил Павел. — Наташа написала, что я открою холодильник. Это правда, но как-то мелко для целого дня.

— Ты откроешь и подумаешь о широких перспективах, — предложила Наталья.

Общий смех вернул комнате прежнюю легкость. Полина прочитала еще несколько вопросов, мы спорили про сборы, закрытые окна и еду на ночь. Выяснилось, что я не умею искать вещь спокойно, а Костя сначала молча проверяет все два раза и только потом спрашивает. Я сказала, что в нашей будущей поисковой экспедиции это даст прекрасные результаты. Слово «будущей» повисло у меня в голове дольше, чем прозвучало вслух.

Потом Полина предложила чай, и игра кончилась сама, без победителей. Я пошла за ней на кухню, чтобы отнести тарелки. Костя остался в комнате с Натальей и Павлом. Я слышала, как он спрашивает, не нужна ли дочери полка над столом.

— Нужна, но я уже заказала, — крикнула Полина в ответ.

— Повесить смогу.

— Там установка есть. Я вместе с доставкой выбрала.

— Тогда я могу хотя бы встретить...

— Пап, я дома буду. Чай будешь с лимоном?

Он ответил, что будет. Полина закатила глаза, но улыбалась.

— У нас теперь каждая чашка с сопровождением, — сказала она мне тихо. — Он и переезд хотел весь на себя взять. А мы с друзьями за вечер справились. Мама привезла еду, папа коробки, и все. Я же не на другой конец света перебралась.

— Ему, наверное, хочется участвовать.

— Я знаю. Он всегда так. Только я иногда хочу ему позвонить и рассказать, что уже сделала, а он успевает предложить сделать это раньше меня.

Она поставила чайник, достала тарелку для печенья. Я могла бы поддержать ее шуткой, но почему-то промолчала. В комнате Костя смеялся над чем-то, сказанным Павлом. Полина остановилась и тоже прислушалась.

— Хорошо, что вы познакомились, — сказала она. — Он сегодня какой-то другой. Я уж думала, мне все время придется придумывать, куда его позвать.

Я посмотрела на свое полотенце, которое Полина повесила возле раковины.

— Он и сам умеет, — сказала я.

— Теперь вижу. Ты только не думай, что я собираюсь все время к вам лезть. Мне просто очень приятно. Что у него есть человек, с которым он хочет быть.

Я держала пустую чашку обеими руками. Полина улыбалась мне открыто, без проверки, без ожидания обещаний. Она не просила заботиться об отце вместо нее. Просто радовалась за него.

— Пойдем, — сказала я. — А то они съедят печенье до чая.

Чай прошел хорошо. Мне хотелось, чтобы прошел хуже, чтобы кто-нибудь задал бестактный вопрос и позволил сердиться вместо того, чтобы чувствовать стыд. Но Наталья рассказала смешную историю про перепутанные коробки, Павел спросил меня о работе без попыток ее оценить, Полина показала свой балкон с единственным пока складным стулом. Костя сел на него, проверил вид и сказал, что здесь прекрасно можно ничего не делать.

— Вот этим и занимайся, когда будешь приходить, — ответила дочь.

Я стояла в дверях балкона и смотрела на них. Мне нравилось здесь, рядом с ними. Причинять им огорчение больше не хотелось.

Когда мы собрались уходить, Полина обняла Костю, а потом меня. Коротко, по-дружески.

— Приходи еще. Уже без повода.

— Спасибо, — сказала я.

На улице Костя спросил, не устала ли я. Я ответила, что все хорошо, и сама услышала, как неубедительно получилось. Он остановился возле лавки у подъезда.

— Ника, что-то было не так?

Я подняла на него глаза. Он ждал ответа, не пытаясь угадать удобный.

— Все было как раз очень хорошо, — сказала я. — Твоя дочь мне понравилась. Наталья тоже. И Павел. Я не ожидала, что будет так легко.

— Тогда почему ты такая тихая?

— Не знаю, что сказать после «приходи еще».

Костя посмотрел на освещенное окно Полины. Потом снова на меня.

— Понимаю.

Мы не стали обсуждать это на улице. Просто пошли к остановке, чтобы доехать домой. На этот раз он не предложил мне руку для правдоподобия. Но когда навстречу прошли люди с большими пакетами и мне пришлось шагнуть ближе к нему, Костя придержал меня за локоть. Я не отодвинулась сразу.

Глава 7. За хлебом случайно

Утром тридцать первого мая я трижды подходила к входной двери, прежде чем поняла, что проверять там нечего. Дверь была закрыта. Коврик лежал на месте. Костя жил напротив и не обязан был появляться всякий раз, когда я, закончив абзац, вставала размяться.

Вчера мы пожелали друг другу доброй ночи и разошлись. Я успела отругать себя за молчание и за то, что ждала лишних слов от него.

В десять с небольшим на площадке щелкнул замок. Я в этот момент несла чашку на кухню. Не придумав ничего лучше, открыла дверь вместе с чашкой.

Костя стоял возле своей квартиры с пустым пакетом в руке.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе. Я думала, мне постучали.

Он посмотрел на мой звонок, потом на свою руку с ключом.

— Нет. Я просто вышел.

— Конечно. Я тоже. То есть не вышла, а открыла.

— В магазин? — спросила я.

— Пока мусор вынести. Потом, наверное, в магазин.

Я посмотрела на совершенно плоский пакет. Костя тоже на него посмотрел.

— Я его не взял, — сказал он.

— Пакет?

— Мусор.

Мы засмеялись почти с облегчением. Он вернулся в квартиру за полным пакетом, я закрыла дверь и поставила чашку на тумбочку. Потом пришлось идти за ней обратно.

В одиннадцать я решила забрать почту. Ящик проверяла два дня назад, но рекламу могли положить и утром. Спустилась, обнаружила предложение застеклить балкон и забрала, чтобы не возвращаться с пустыми руками.

Наверх решила подняться пешком. На пятом этаже услышала шаги и увидела Костю, спускавшегося с телефоном в руке. Он остановился на ступеньку выше. Я тоже остановилась, хотя между нами было достаточно места.

— Ты уже возвращаешься? — спросил он.

— Да. Проверила почту.

— Что-нибудь хорошее?

Я показала бумажку.

— Мой балкон зовут в новую жизнь. А ты?

— Хотел пройтись.

— Хорошая погода.

Мы оба повернулись к узкому лестничному окну. За ним виднелись кусок стены и верхушка дерева. Для выводов о погоде этого было недостаточно, но мы с уверенностью кивнули.

— Не буду задерживать, — сказала я.

— Да. А ты работаешь?

— Немного. Надо закончить.

Он посторонился. Я прошла вверх, чувствуя его взгляд между лопатками. У себя положила рекламу рядом с ноутбуком и села работать с таким выражением, будто переводы сами во всем виноваты.

Через сорок минут я закончила сцену, отправила файл и поняла, что больше не могу использовать работу как объяснение собственной нерешительности. Пришлось позвонить Асе. Я рассказала про новоселье, про Полинину кухню и ее приглашение без повода.

— Так сходи без повода, — сказала Ася.

— Мы же не встречаемся.

— Я не про Полину.

Я прикусила губу. Ася помолчала, потом спросила совсем другим тоном:

— Ты его хочешь увидеть?

— Я его сегодня дважды видела.

— Ника.

— Хочу.

Я встала, подняла с пола резинку для волос, положила ее на стол, снова взяла.

— Тогда тебе нужен не мой умный совет, — сказала Ася. — Я сейчас все равно выбираю, что надеть к сестре, и думаю только о том, где второе голубое.

— У тебя две одинаковые блузки?

— Нет, сережка. Но спасибо за веру в мой гардероб.

Я рассмеялась. Мы поговорили еще минуту, и она отключилась.

В холодильнике не было хлеба. Точнее, хлеб не хранился в холодильнике, но я открыла именно его, потому что искала причину выйти из дома и нуждалась в широком обзоре. На столе стояла пустая хлебница. Вот она, причина. Совершенно настоящая.

Я надела кроссовки, взяла тканевую сумку и вышла. Соседняя дверь открылась почти сразу. Костя был уже одет. Он посмотрел на сумку, потом мне в лицо.

— За хлебом? — спросил он.

— Да. А ты?

— Тоже.

Мы переглянулись.

— Распространенное занятие, — сказала я.

— Особенно в этом подъезде.

В лифте мы стояли по разные стороны и улыбались отражениям друг друга. Никто нас не ждал. Можно было пройти через двор и посмотреть, что получится из двадцати минут рядом.

У магазина Костя придержал дверь. Я взяла корзинку. Он попытался взять вторую, потом спросил:

— Нам одной хватит?

— Если не покупать лампу.

— Я сегодня не готов.

Мы пошли вдоль полок. Хлеб был в дальнем конце, но по пути я увидела маленькую банку горчицы, которую давно собиралась попробовать. Костя сказал, что покупал такую, и теперь у него дома есть банка для людей более решительных, чем он. Я положила свою обратно. Он добавил, что вкус хороший, просто надо меньше, и я вернула банку в корзину.

— Ты очень убедительно отговариваешь, — сказала я.

— Я не определился.

Возле овощей мы задержались, выбирая редис. Костя осторожно поднял пучок за листья. Я спросила, не подозревает ли он его в излишней красоте, и он рассмеялся.

— Помидоры я пока пропускаю.

— Один неудачный опыт не повод.

— Ты их вчера ела?

— Да.

— Вот и договорились.

Мы взяли редис, яблоки, сыр, две бутылки воды, бумажные салфетки, которые зачем-то оказались выставлены рядом с сыром, и печенье, потому что Костя остановился у него слишком явно. Я никогда не видела, как взрослый мужчина выбирает печенье всерьез: сравнивает два пакета, читает состав не из опасений, а в поисках именно того вкуса, который помнит.

— Это с орехами, — объяснил он. — А это только выглядит похоже.

— Берем настоящее.

— Тогда ты тоже попробуешь.

Я кивнула, и это маленькое обещание почему-то понравилось мне больше всего купленного.

У кассы мы выложили покупки, по очереди оплатили каждый свое, сложили все в мой большой пакет и Костин поменьше. За магазином была лавка в тени. Мы остановились возле нее, чтобы переложить тяжелое, и Костя достал печенье.

— Раз уж вышли.

Я села. Он сел рядом, открыл пакет, протянул мне. Печенье оказалось рассыпчатым, и первая же крошка упала мне на джинсы. Я поймала следующую ладонью, посмотрела на Костю и увидела такую же крошку у него на рубашке.

— Очень удачный выбор для людей, которые хотят производить впечатление, — сказала я.

— Я думал только о вкусе.

— Зря. Внешние обстоятельства сильнее нас.

Он рассмеялся. На лавке было тепло. Мимо проезжали велосипеды, кто-то нес букет, две женщины спорили, где повернуть к остановке. Обыкновенный день продолжался безо всякого понятия о том, насколько я им довольна.

Костя полез в пакет за водой и вдруг замер.

— Хлеб.

Я посмотрела на него.

— Что?

— Мы не купили хлеб.

Я заглянула в свою сумку. Горчица, редис, яблоки, сыр. Салфетки. Конечно, салфетки. Я подняла на него глаза и начала смеяться так, что пришлось поставить пакет на землю.

— Мы ведь шли именно за ним.

— Зато все остальное принесли.

— Хлеб теперь будет чувствовать себя использованным.

Костя прикрыл ладонью глаза. Плечи у него вздрагивали. Я смотрела на него и понимала, что хочу запомнить именно таким: без серьезной задачи, без необходимости успеть, с печеньем в пальцах и совершенно бесполезным удовольствием.

— Я сегодня не случайно вышла, — сказала я, когда смогла говорить ровно.

Он убрал руку от лица.

— Я догадался по чашке.

Я ахнула.

— И молчал?

— Надеялся, что ты не заметишь пустой пакет.

Мы снова засмеялись, но теперь между нами стало теплее, и не только от солнца.

— А на лестнице? — спросила я.

— Услышал лифт. Решил, что ты уходишь. Пока оделся, ты уже поднялась пешком.

— Невероятная встреча двух занятых людей.

— Весь день старались не встретиться слишком нарочно.

Я уткнулась взглядом в свои колени. Было бы очень легко сейчас сказать что-нибудь про наши актерские способности, вернуться к привычному веселью. Но вчерашнее лицо Полины не давало.

— Костя, я больше не хочу перед ними притворяться.

Он не ответил сразу. Положил пакет с печеньем между нами, чтобы я могла взять, и посмотрел мне в глаза.

— Я тоже.

Согласие было правильным. Ровно таким, какого я хотела. И все равно я на секунду почувствовала, как во мне все опустело. Он так легко согласился закончить, словно только ждал, когда можно будет снять чужую куртку и повесить на место.

Но он этого не сказал. Я сама сочинила и куртку, и его облегчение, и то, что больше не понадобится выходить на площадку. Пришлось сделать усилие и вернуться к настоящему разговору.

— Не хочу говорить, что у нас не получилось, — продолжила я. — Получится, будто мы честно попробовали, а потом расстались. Полина вчера звала меня еще. Мама уже уверена, что знает тебя. Мне неприятно отвечать на это новой выдумкой.

Костя кивнул.

— Скажем, как было.

— Что оба не хотели знакомиться по чужому плану и придумали свой, еще хуже.

— Именно. Я Полине сам объясню, что предложил вторую встречу. Это не ты меня уговорила.

— А я маме скажу, что начала все с обещания, которого не могла выполнить. Она, конечно, расстроится.

— Полина тоже.

Мы помолчали. За лавкой громко хлопнула дверца машины. Я вздрогнула, хотя звук был совершенно обычный. Костя повернул голову, потом снова посмотрел на меня.

— Когда? — спросил он.

Я достала телефон и открыла календарь. Первое июня было занято работой у меня и сменой у него. Второго я могла приехать к родителям днем, а он был свободен к вечеру.

— Второго, — сказала я. — Я поговорю с мамой и папой. Потом сестре позвоню, чтобы не осталось версий на любой вкус.

— Я с Полиной. Наталье тоже объясню сам.

— Хорошо.

Я сидела рядом с мужчиной, которого хотела видеть, и по-прежнему не знала, как сказать об этом без хлеба, дачи, чужого праздника.

Костя взял еще одно печенье и протянул мне.

— Ты только одно съела.

— Два.

— Значит, третье.

Я взяла. Наши пальцы соприкоснулись, и он не отдернул руку. Я тоже. На короткое мгновение мы оба замерли над раскрытым пакетом, нелепо, как люди, которым дали слишком мелкий предмет на двоих.

— Пойдем? — спросил он наконец.

— Да.

Мы поднялись, дошли до дома и уже в лифте вспомнили, что так и не вернулись за хлебом. Костя посмотрел на меня. Я медленно покачала головой.

— Сегодня обойдусь.

— Я тоже.

На шестом этаже он помог мне поставить сумку у двери. Я открыла замок, обернулась и увидела, что он еще стоит на площадке.

— До встречи, Ника.

— До встречи.

Он ушел к себе. Я отнесла покупки на кухню, поставила горчицу рядом с пустой хлебницей и достала тарелку. Сыр можно было есть просто так. Редис тоже. В моей жизни ничего не требовало немедленного исправления, кроме одной маленькой, очень ясной вещи.

Я хотела увидеть Костю снова. Не случайно, не для семьи и не потому, что закончился хлеб. Хотела, чтобы он выбрал время, пришел ко мне или позвал с собой, и чтобы нам обоим не пришлось придумывать причину.

Глава 8. Без подходящего предложения

Первого июня я минут десять стоял перед полкой, на которой было всего шесть книг и пульт от телевизора. Из шести книг ни одна не могла убедительно потребовать немедленного участия Ники. Пульт тоже обходился своими силами.

Вчера мы договорились закончить вранье. Это было правильно. Дочь радовалась за меня так открыто, что я чувствовал себя человеком, который пришел на чужой праздник с пустой коробкой вместо подарка. Но из разговора с Никой я ушел с неприятным ощущением: все правильное мы сказали, а самого важного я так и не произнес. Она не предлагала перестать общаться. Я это понимал. И все равно с утра думал о том, как быстро она убрала руку с лавки, когда мы поднялись идти домой.

Не от меня убрала. Просто поднялась.

В сорок два года полезно уметь отличать одно от другого.

Я взял телефон, написал: «Ты занята?» — и стер. Ответит, что занята, и что я тогда скажу? Написал: «У меня вопрос по фильму». Тут же представил Нику за работой. Она отложит свои настоящие фильмы, чтобы выслушать мою выдуманную проблему. Получалось не лучше.

За стеной негромко стукнуло. Я посмотрел в ту сторону, будто мог увидеть, что она делает. Наверняка ничего связанного со мной. Может, открывает шкаф. Может, собирается гулять. Может, у нее есть мужчина, который умеет написать нормальное сообщение, хотя вчера на лавке ничего подобного не выяснилось.

Последняя мысль мне не понравилась. Не потому, что Ника обязана была сидеть дома, а потому, что мужчина в моем воображении получился совершенно спокойным. В отличие от меня.

В итоге я написал:

«Хочу показать тебе один фильм. Там непонятное место. Зайдешь вечером, когда освободишься?»

Ответ пришел через три минуты.

«Непонятное место в начале, середине или во всей твоей формулировке?»

Я усмехнулся и сел на край дивана.

«Начнем с формулировки. К семи удобно?»

«Удобно. Но если там испанские аристократы, я после работы не различаю титулы».

До семи оставалось два часа. За это время я успел сходить в магазин, купить печенье, поставить чайник, вспомнить, что рано, выключить его и переставить два стула так, чтобы квартира не выглядела залом для собеседований. Потом вернул один обратно. В конце концов, это были мои стулья, и я имел право сидеть на любом без тайного замысла.

На экране я нашел старую комедию «Пятый чемодан». Ее я видел лет десять назад и помнил достаточно хорошо: человек пытался привезти жене из командировки чайный сервиз, но на каждом пересадочном пункте получал чужой чемодан. В одном была театральная борода. В другом живой гусь, которого ни разу не показывали целиком, только слышали. Непонятных мест там хватало, однако ни одно не требовало переводчицы.

Ника позвонила ровно в семь. На ней были светлые брюки, темная футболка и длинные серьги, которые я раньше не замечал. Она держала плоский бумажный пакет.

— Это на случай, если обсуждение затянется, — сказала она, протягивая его. — Две булочки. Я собиралась взять одну, но продавщица смотрела так, будто знала, к кому я иду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.